

love_sf

Алиса
Ардова
<https://coollib.net/a/143048>

Господин моих ночей

Высшие маги никогда не берут женщин силой. Высшие маги всегда держат слово
и

соблюдают договор.

Так мне говорили. Но что мы знаем о высших? Надменных, холодных, властных.

Новых

хозяевах страны. Что я знаю о том, с кем собираюсь подписать соглашение?

Ничего.

Радует одно – ему известно обо мне немногим больше. И я сделаю все, чтобы
так и

оставалось дальше. Чтобы нас связывали лишь общие ночи.

Как хорошо, что он хочет того же.

Или... я ошибаюсь?..

Первая книга дилогии.

любовь, страсть, сложные отношения, властный герой

ru

FictionBook Editor Release 2.6.7
02 August 2019
180B5F4C-64AD-4F54-988E-41ECCAA39A25
1.0

1.0 – создание файла

2019

Алиса Ардова
Господин моих ночей
Книга первая

Глава 1

▲Драконья морда на воротах поморщилась, заставив меня поспешно отдернуть руку,

оскалила

зубастую пасть и недовольно рыкнула:

– Кто?

Демоновы маги. Все у них не как у людей. Раньше украшения на огаде были просто украшениями, как им полагается – ничего более. Они не оживали, не болтали, и, уж тем более,

не пугали своими гримасами гостей. Но что толку теперь вспоминать о прежних временах, если

их уже не вернешь?

– Мне назначено, – уклонила от прямого вопроса.

Мерзкая морда хранила глубокомысленное молчание, и я пояснила, следя за тем, чтобы голос

звучал ровно и спокойно:

– Господин ждет.

Снова пауза. Наглая такая. Недвусмысленная.

– Элис Бэар, – уточнила я нехотя.

Имя, конечно, не настоящее, вернее, не совсем настоящее, но мне ужасно не хотелось даже его

называть.

Зубастая пасть с клацаньем захлопнулась, а затем медленно поднялись тяжелые веки. Кроваво-

красные рубины в глазницах засветились, и морда уставилась прямо на меня, прожигая

насквозь тяжелым взглядом.

За несколько ударов сердца меня вывернули наизнанку, разобрали на мелкие частицы и снова

собрали. Причем, не уверена, что в том же порядке. Чувствовала я себя ужасно – начало

подташнивать, закружилась голова, заломило виски, отдавая в затылок. Все это было очень

некстати перед встречей, что меня ожидала.

Демоновы маги...

Я стояла, вздернув подбородок, глядя куда-то вверх уродливой морды и, как заклинание,

повторяла про себя старый детский стишок, неизвестно почему пришедший на ум.

Шел пес

Через мост,

Четыре лапы,

Пятый – хвост.

Терпение... Оно мне еще пригодится.

Начавшийся недавно дождь усилился, поднялся ветер, но я не сдвинулась с места.

Лишь зябко

передернула плечами и поплотнее закуталась в плащ, стараясь не обращать внимание на

назойливые капли, которые становились все крупнее и крупнее.

Наконец, после мучительно долгих мгновений, рубиновые глаза погасли, веки опустились, и

драконья морда застыла, словно никогда и не оживала. И тут же высокие кованые ворота

дрогнули, бесшумно отворяясь, – как будто еще одна огромная пасть распахнулась.

Судя по

всему, мне разрешили войти.

Я медлила. Не торопилась переступить черту, отделявшую улицу – безлюдную в этот поздний

час, но светлую и обманчиво безопасную – от темного сада, в глубине которого в вечерней мгле едва угадывались очертания невысокого двухэтажного строения. Не знаю, сколько бы я еще колебалась, но тут рядом, рассыпая теплые золотистые искры, вспыхнул путеводный огонек. Магический привратник. В нашей столичной резиденции имелось несколько таких, стоили они невероятно дорого. Впрочем, это для нас дорого, не для магов. Привратник суетливо завертелся на месте и метнулся вглубь парка, зовя за собой. Похоже, его хозяин терпением не отличался.

«Высшие маги никогда не берут женщин силой», – напомнила я себе правило номер один из списка, оглашенного Толлой. За прошедший день я успела выучить его наизусть. Никогда... силой...

И шагнула в черный зев распахнутых ворот. Огромный сад, погруженный в фиолетовые сумерки был тих, пуст и неприветлив. Ни скрипа, ни шороха, ни единого отблеска света – лишь звук моих торопливых шагов по дорожке, дрожание летящего впереди привратника, изломанные силуэты деревьев и мрачная тень надвигающегося здания с бездонными провалами окон. Странно, но в доме вообще не горел свет. Особняк выглядел давно заброшенным, необитаемым и от этого еще более жутким.

▲На миг показалось, что в окне первого этажа мелькнул мужской силуэт в ореоле призрачного сияния, но росчерк молнии, разрезавший небо, развеял этот мираж. Над головой громыхнуло, дождь моментально перешел в ливень, и я, отбросив все страхи, побежала вперед.

Крыльцо... Невысокая лестница... Резная деревянная дверь... Привратник золотистым дымом просочился сквозь створки и пропал из виду. Я, уже ни о чем не думая, торопливо поднялась по ступеням и рванула на себя тяжелую медную ручку. Дверь, как ни странно, оказалась не заперта, и я, совершенно промокшая, влетела в дом. Остановилась.

Успокоила дыхание. Поправила растрепавшиеся волосы... одежду. Огляделась. Полукруглый холл. Все так же темно и пусто, магический привратник – и тот исчез. Только тишина еще больше сгустилась, стала почти осязаемой. Да... Не очень приветливо меня здесь встречают. Хотя, чего еще ждать от новых хозяев жизни? Они в своем праве. Одно слово, маги.

А этот вообще – высший.

Нервно поехала, словно опять стояла на пронизывающем ветру, и тут же во мраке проступило светлое пятно – слабое мерцание просачивалось из-под одной из дверей. Пугает? Хочет, чтобы я растерялась? Ушла? Не дождется.

Выпрямилась, вздернула подбородок и, следуя безмолвному приглашению, решительно направилась вперед.

«Высшие маги всегда держат слово...»

Спасибо тебе, Толла. Что бы сейчас ни случилось, я постараюсь об этом не забыть. В помещении, куда я попала, оказалось неожиданно светло. То есть не темно – так вернее. В

комнате царил приятный полумрак, потрескивали дрова в небольшом камине, и на стенах плясали мягкие колеблющиеся тени.

Книжные шкафы. Диван. Несколько кресел. В глубине – большой письменный стол с зажженной лампой.

Лампу наклонили так, чтобы она освещала кресло перед столом, от этого создавалось

ощущение, что сидение очерчено ярким огненным кругом. А вот противоположный угол будто

отгородили плотной туманной завесой. Я так и не поняла, кто или что там находилось, хоть и

вглядывалась до рези в глазах.

Тяжелые портьеры на окнах были отдернуты, даже створки распахнуты, чтобы впустить в

кабинет холодный влажный воздух. Надо же, а из сада света совсем не видно.

В непроницаемой тьме «по ту сторону» чуть слышно скрипнуло.

– Имя? – От негромкого низкого голоса по спине пробежала дрожь.

К чему этот вопрос? Наверняка ведь успели донести, рассказать и даже показать.

– Элис Бэар, – повторила то, что уже говорила драконьей морде.

– Подойдите к столу, – обожгла колким льдом короткая фраза.

Мягкий ворс ковра заглушил шаги. Я неслышно прошла к креслу и остановилась, чтобы

услышать такое же равнодушно-безразличное:

– Раздевайтесь!..

Застыла, оглушенная этим приказом. Нет, я, конечно, понимала, что иду сюда не в

лаппу

играть, не обмениваться комплиментами и не любоваться луной, взявшись за руки –

избави пресветлая Каари. Но так сразу? А... поговорить? Представиться, обсудить,

подписать договор, показать лицо, наконец?

Повисла пауза.

Я медлила, лихорадочно подыскивая слова. Хозяин дома тоже не торопился вступить в беседу

или хоть как-то объясниться. Сидел там, в тени, как паук в паутине и наблюдал, за мелкой

мушкой. Как она поступит? Испуганно улетит прочь или подберется поближе? Причем, с

любопытством наблюдал, я это чувствовала. Выжидал...

Уйти сейчас? Глупо. Возмутиться? Еще глупее. Но и стоять вот так перед ним...

Стоять и

молчать, ощущая, как неприятно липнет к телу сырая одежда – очень неудобно. Да что там

неудобно – унизительно. Надо все-таки что-то сказать.

– Я... – первое слово прозвучало немного хрипло, и я быстро откашлялась. – Я не...

♣– Не желаете раздеваться? – бесстрастно откликнулась темнота. – Что ж, не настаиваю.

Полагал, вы захотите снять плащ и высушить платье, но, если вам приятнее

оставаться в...

таким виде, пожалуйста. Не стану отказывать даме в маленьком капризе. Хотя, признаться,

дохельмский ковер все-таки жаль, вы на нем уже изрядно наследили.

В холодном голосе мелькнула еле заметная ирония.

Еще и издевается, мерзавец.

Посмотрела на успевший запачкаться светлый ворс под ногами... Подняла взгляд на невидимого собеседника...

Негодование... Оно взметнулось откуда-то из глубины души и злым сквозняком мгновенно

выдуло всю растерянность и неуверенность. Да, я знала, зачем пришла, и готова заключить

делку, но унижать себя не позволю. Я помню, кто я. Кем родилась и останусь до конца своих

дней, что бы судьба ни уготовила. А он... Он всего лишь маг, пусть и мнит себя сейчас

хозяином жизни.

Предлагает раздеться? Хорошо.

Сосредоточенно и неторопливо, не отводя глаз от черной мути передо мной, развязала тесемки

и привычно повела плечами, словно сбрасывала накидку на руки подошедшему сзади дворецкому.

Слуги, разумеется, не было, но плащ не упал на пол, как я втайне рассчитывала, а плавно

поплыл по воздуху к камину и опустился на рогатую деревянную вешалку справа от него. Тут

же из мрака «вынырнула» рука. Небрежный, еле уловимый жест – и моя одежда вновь сухая. И

туфельки. И волосы. А рука, закончив движение, плавно опустилась на стол.

– Так лучше. Не находите? – все та же отстраненность в тоне. А затем вдруг повелительное:

– Садитесь.

Если все настолько легко решается, зачем надо заставлять меня раздеваться?

Высушил бы

вместе с плащом, вместо того, чтобы делать двусмысленные предложения.

Демонов маг. Хотя... Не стоит, пожалуй, обижать демонов. Просто маг – и этим все сказано.

Аккуратно опустилась на край стула в сияющем круге света, расправила плечи.

Невольно

поморщилась – тут же начало слепить глаза, но ничего не сказала и просить не стала. Уверена,

все это тоже устроено специально. Так что... не дождется.

– Итак, Элис Бэар... – Длинные пальцы с аккуратными ногтями постучали по столу. – Разумеется, это не настоящее имя.

– Почему вы так решили?

Надеюсь, мне удалось сдержаться, и голос не дрогнул.

– Вы аристократка. – Это был не вопрос – утверждение. – Достаточно увидеть, как вы

ходите... снимаете плащ... сидите, с прямой, как мачта, спиной, чтобы не осталось ни малейших сомнений. Аристократка до мозга костей. Спесивая, заносчивая, надменная, как все

ваше племя. Перед настоящей фамилией, наверняка, есть приставка «ли» да и имя звучит по-

другому. – Теперь он уже не скрывал насмешки. – Ваш отец, братья, может, даже

жених
сражались против нас, не так ли? А теперь что? Погибли или ушли к «чистым»? – На
стол
опустилась вторая рука, пальцы переплелись в замок. – Мужчины тешат гордыню, а
женщины
продают себя победителям, чтобы выжить. Закономерный итог, не находите?
О, как мне хотелось возразить, бросить в лицо все, что думаю о нем и таких же,
как он, новых
«хозяевах» жизни. Но дома меня ждали... Поэтому я просто сидела и молчала.
Молчала и
смотрела на его ладони – смуглые, продолговатые, сильные. Холеные и в то же
время очень
мужественные. Не могла оторвать от них взгляда.
– Ладно, если вам угодно прятаться за маской простолюдинки, пусть так. Мне все
равно.
Только впредь, если надеетесь избежать лишних вопросов, постарайтесь изображать
«девушку
из народа» получше. Сейчас у вас это плохо получается. – Он на миг прервался, а
потом
продолжил уже совсем другими, деловым тоном: – Вам сказали, что от вас
потребуется?
– Да.
Сдержанно и спокойно, никаких лишних чувств. Я пришла наниматься на работу.
Просто на
работу... Надо думать лишь об этом. Об этом, а еще о том, что маги никогда не
берут женщин
силой. Значит, я в любой момент могу подняться, попрощаться и уйти.
– И все-таки я повторю. Во избежание недоразумений, – я буквально почувствовала,
как там,
в темноте, издевательски улыбнулись. – Мне нужна любовница, временно, пока я не
закончу
свои дела и не уеду из вашего города. Хорошо воспитанная. Не претендующая ни на
что, кроме
▲предусмотренной договором оплаты. Не испытывающая чувств к другому мужчине.
Девственница. Полностью лишенная магических способностей, то есть чистокровный
человек... – Пауза... – Вы соответствуете этим требованиям?
Просто и четко. Значит, и ответ будет такой же.
– Полностью.
Помню, мама нанимала кухарку в имение и тоже спрашивала, чистоплотна ли она, что
умеет
готовить, какие рекомендации готова предоставить. А потом, перед тем, как
принять
окончательное решение, пожелала испытать новую служанку. Надеюсь, высший не
собирается...
– Осталось это проверить...
Что?
Надеюсь, мне удалось сохранить непроницаемое выражение лица, по крайней мере,
рвущиеся с
языка вопросы я удержала. Не издала ни звука, лишь выпрямилась еще больше, свела
лопатки и
замерла, ожидая продолжения. Тьма хмыкнула коротко, но, как мне показалось,
одобрительно.
– Дайте руку... – последовал следующий приказ.
Вложила дрогнувшие пальцы в ладонь, которая раскрылась в приглашающем жесте, и

их тут же
сжали – достаточно бережно, но крепко. Захочешь – не сбежишь.
– Все еще мерзнете?
Он о том, что руки у меня совсем ледяные? Так это от волнения. И от голоса его
стылого – им
не то, что человека, дом насквозь проморозить можно. Но признаваться, что
нервничаю, я не
собиралась.
– Немного...
Тихое слово на незнакомом языке – и в комнате ощутимо потеплело. Воздух
прогрелся и
будто уплотнился, пушистым покрывалом окутывая плечи. Никакого намека на
сырость,
ветер... даже запаха дождя не осталось. – словно там, на улице не промозглый
зябкий вечер, а
погожий летний день. А ведь окна по-прежнему открыты.
Как просто у него все получилось. Небрежно. Между прочим. А мне приходится
думать, где
дрова купить. Поскорее и подешевле. Лето выдалось холодное, влажное, и осень
обещают...
Тут на мои пальцы опустилась вторая ладонь, и посторонние мысли мгновенно
исчезли.
Кожу закололо, точно по ней пробежали крохотные острые иголки, поднимаясь все
выше и
выше к плечу. Легкое онемение – а потом по телу волной разлился жар. Сердце
учащенно
забилось, в висках зашумела кровь.
– Согрелись?
Он что, издевается? Да я сгорю сейчас. Пеплом осыплюсь, если он меня немедленно
не
отпустит.
– Да...
– Хорошо... – высший убрал ладонь, которой накрывал мою руку, и все прекратилось.
Осталось только ровное, приятное тепло. – Тогда продолжим...
Чернильное марево по другую сторону стола чуть рассеялось, посветлело. Сквозь
вязкую
пелену проступил неясный силуэт сидящего в кресле мужчины. Широкий разворот
плеч.
Гордая осанка. Небрежная, по-хозяйски уверенная поза.
– Хвич!
Высший чуть повернул голову, и тьма за его плечами зашевелилась, собралась тугим
комком,
засверкала красными глазами, а потом распахнула широкие крылья, зашипела и
бросилась на
меня. Я отшатнулась. Приподнялась, собираясь вскочить на ноги, но маг
по-прежнему
удерживал ладонь, и не отпустил, лишь на миг сдавил сильнее.
– Прекрати ее пугать, – властный, недовольный окрик. И уже мне, совсем другим,
тоном. –
Не стоит так беспокоиться, Элис. Он не причинит вам вреда. Сейчас точно нет.
Черный сгусток еще раз протяжно зашипел, упал на стол и превратился... А вот во
что или в
кого он превратился, сказать было сложно. В Варрии подобная пакость никогда не
водилась.

Серая кожа, почти человеческое тело, мощные лапы с изогнутыми когтями, кожистые крылья за спиной и знакомая мерзкая морда с маленькими рожками, длинными подвижными ушами и кровавыми рубинами глаз. Именно ее я видела на воротах. Странное существо... Какая-то мысль мелькнула и тут же пропала, потому что чудище шагнуло ближе и мне стало не до воспоминаний. Высший резко стиснул мою кисть, а монстр оскалился, быстро наклонился и впилился в нее внезапно увеличившимися клыками. Я успела лишь вскрикнуть, дернуться – а «драконья морда» уже отстранилась, довольно облизываясь. – Тссс... Элис... Все уже закончилось. Мужчина легко, подушечками пальцев погладил ладонь – успокаивающе, завораживающе мягко, будто узор рисовал, – и рана затянулась, оставив после себя чистую гладкую кожу, а мою многострадальную руку наконец-то отпустили. Я тут же убрала ее со стола, положила на колени, еще и в юбку незаметно пальцами вцепилась. Для надежности. – Ну, Хвич? Мага я уже не интересовала, он смотрел на своего монстра. Тот высунул длинный серый язык, провел им по губам, слизывая остатки крови, и, в свою очередь, уставился на хозяина. Рубины глаз замерцали, то расширяясь, то сужаясь. Повисла настороженная тишина. Такая пронзительная, что мне показалось, я слышу, как колотится сердце. Судорожно. Неровно. Удар... Еще один... Наконец «дракон» шевельнулся, притушил сияние глаз и одним прыжком растворился в темноте за спиной хозяина. – Что ж... – высший развернулся ко мне. – Хвич подтвердил ваши слова. Вы невинны и абсолютно лишены магии. То, что прекрасно воспитаны, это с первого взгляда заметно. Хм... Госпожа Джиас была бы в восторге от этого комплимента. Она столько сил вложила в мою дрессировку. – А что касается чувств к другому мужчине... – продолжал тем временем маг. – Сколько вам лет, Элис? – Двадцать... – Но еще не замужем... – Он быстрым движением наклонился вперед. – Помолвлены? Я сглотнула острый ком, неожиданно образовавшийся в горле. – Была... – Жених ваш, конечно же, аристократ и офицер, как и полагается представителю воинского сословия. – Да... – Брак, разумеется, договорной. Все устроили родители? – В нашей среде так принято. – Принято... – повторил мужчина с непонятной интонацией. – И где ваш жених сейчас? Еще один равнодушный вопрос...

Гладкое лицо, не тронутое щетиной – разгоряченное, покрасневшее... Шальные светло-карие глаза, чуть пьяные от нетерпения, от предвкушения схватки... Ослепительная улыбка...

«Мы победим, и очень быстро. Не сомневайтесь, дорогая. Разобьем этот сброд в несколько

недель. Даже свадьбу переносить не придется...»

– Он... – говорить становилось все труднее. – Погиб.

– И вы, разумеется, скорбите?

Ирония в бесцветном голосе взбесила. Да как он смеет!

– А вы как думаете? – вскинулась, прожигая яростным взглядом тьму напротив.

И та отозвалась. Взметнулась к потолку, разрослась, подалась в мою сторону...

Миг – и на плечи опустились тяжелые ладони, вдавливая в кресло. Не позволяя шелохнуться,

подняться, оглянуться.

– Думаю, скорбите, – насмешливо протянули сзади. – Как и полагается в таком случае юной

леди из приличной семьи. Вот только... – ладони скользнули ниже, почти обнимая, и горячий

шепот коснулся уха: – Любили ли вы беднягу хоть когда-нибудь? Ваша кровь говорит, что нет.

Любила ли?

Я никогда не задавала себе этого вопроса, и не потому, что боялась посмотреть правде в лицо.

Зачем спрашивать о том, что и так очевидно? Я знала Сэлна с детства, и всегда воспринимала

его как неотъемлемую часть своей жизни. Нас обручили, когда мне было неполных восемь, а

ему десять лет.

Помню солнечное утро и девочку, в нарядном голубом платье, новых туфельках, с аккуратно

подвитыми, красиво уложенными волосами. Я казалась себе такой взрослой в тот день, когда

стояла рядом с отцом у алтаря пресветлой Каари в ожидании жениха. А потом дверь открылась,

▲впуская в храм сурового мужчину и высокого стройного мальчика с сияющими глазами и

шапкой густых каштановых волос. Так мы и познакомились с юным лордом Сэлмоном, сыном

герцога ли Парса.

Наши отцы занимали одинаковое положение в обществе, были боевыми товарищами, поэтому

их решение обручить детей никого не удивило. А мы и не думали возражать. Да и кто станет

прекословить родителям в таком возрасте?

Я не считала Сэлна другом – мы слишком редко встречались для этого. Мама редко вывозила

меня из родового имения, а он жил в столице, а потом, когда стал чуть старше, поступил в

военную академию, как и надлежит потомственному военному, и покидал ее раз в год, на

каникулах. Так что дружила я с деревенскими мальчишками к нескрываемому неудовольствию

госпожи Джиас. Но мама относилась к этому снисходительно, не препятствовала,

отец был далеко, и я продолжала все свободное время проводить со своими «неподобающими» приятелями.

А Сэлмон... Он навещал нас каждое лето. К его приезду я превращалась в благовоспитанную леди, меня наряжали во «взрослое» платье, и мы с женихом чинно прогуливались по дорожкам, беседуя. Он неизменно называл меня на «вы», я его тоже. Немного чопорный и сдержанный при старших, наедине он оттаивал, становился веселым, дружелюбным и открытым. Сэлн мне нравился. Я уважала его, ценила, и очень хотела, чтобы именно он был моим старшим братом. Он, а не вечно хмурый немногословный Талим. Но любила ли я будущего мужа? Мне всегда казалось, что, да. Да и как его не любить? Молодой, красивый, знатный, богатый и ко мне относится очень хорошо – мне определенно повезло.

Правда, когда жених впервые поцеловал меня, я ничего не почувствовала – только неудобство и стеснение от того, что он неожиданно оказался слишком близко. От его странного взгляда... вмиг потяжелевшего дыхания... рук, что, дрогнув, с силой стиснули мою талию.

Помню, я тогда постаралась поскорее освободиться и отойти подальше, хотя Сэлн и пытался удержать.

Но это ведь ничего не значит, просто, мы еще не привыкли друг к другу... Когда я поделилась этим с мамой, она только вздохнула, обняла меня, прижала к себе, ласково поглаживая по спине.

На это лето назначили свадьбу, и я ждала ее с нетерпением. Ли Парс уверял, что тоже. А потом война... торопливое прощание... и известие о смерти... Сэлна больше нет. Я никогда не почувствую вновь вкус его поцелуя, не встречу улыбку, не услышу голос, не пойму, сможем ли мы все-таки «привыкнуть» друг к другу или нет.

Но что бы там вышему моя кровь не сообщила, я никогда не признаюсь ему в своих сомнениях. Хотя бы в память о том ясноглазом юноше, что однажды вечером навсегда ушел от меня...

– Вы не вправе задавать такой вопрос, – упрямо тряхнула головой. – Все это осталось в прошлом.

Высший молчал, никак не комментируя мои слова, только пальцы хищно сжались, впиваясь в тело.

Повела плечами, пытаюсь сбросить горячие руки, что почти обжигали кожу. Не удалось – ладони высшего даже не дрогнули. Легче, наверное, упавшую скалу сдвинуть, чем от него освободиться.

– Любила или нет... Не все ли равно? – продолжила глухо. – Сейчас я свободна и больше не связана с мужчиной ни обязательствами, ни чувствами. Ваше условие выполнено. Так какая

разница, что я испытывала когда-то к погибшему жениху?

– Вы правы, – медленно выдохнула тьма за моей спиной. – Мне абсолютно все равно, как вы

относились к своему идеальному герою. Он ведь был идеален, не так ли? Безупречен во всем.

Наверное, даже ни разу не дотронулся до вас? Не обнимал, не скользил пальцами по коже.

Предвкушая, изо всех сил сдерживаясь и изнывая от нетерпения... От виска к подбородку...

потом к изгибу шеи, чуть касаясь подушечками вот этой тоненькой голубой жилки и дальше...

Дальше...

Голос мага стал ниже, глубже, от появившихся в нем бархатных интонаций по спине пробежала

дрожь. Руки же... Они повторяли то, о чем рассказывал мой невидимый собеседник.

Провели

по щеке. Спустились к ключице. Задержались там, нежно поглаживая...

А голос продолжал искушать. Бить по нервам:

♣– Не целовал, горячо и страстно... – Я почувствовала легкое прикосновение сухих губ к

виску. Мимолетное, почти неощутимое. – Не пытался соблазнить до свадьбы...

Смяла в кулаках ткань платья.

– А вот это вас точно не должно интересовать.

– Не должно? Вот как? – усмехнулся высший. – Но мне тоже бывает... любопытно.

«Шел пес

Через мост,

Четыре лапы,

Пятый – хвост...»

Считалочка, как ни странно, опять помогла собраться.

Разжала пальцы. Разгладила юбку. Произнесла спокойно и твердо:

– Я готова заключить сделку и подписать соответствующий договор, но не больше.

Ни

забавлять, ни развлекать я никого не стану. Если вас это устраивает, давайте обговорим

условия, если нет, и я вам не подхожу, позвольте уйти.

Я скорее сдохну под забором, но унижать себя не позволю. Простите, дорогие, я знаю, вы

ждете, но это уже выше моих сил.

– Но почему же не подходите? – лениво протянули за спиной, и ладони, скользнув вверх,

снова опустили на плечи. – Вы отвечаете всем требованиям и... гм... вызываете у меня соответствующие желания. Превосходная кандидатура. Во всем. Кроме одного...

Чужие губы как-то неожиданно опять оказались у моего уха.

– Вы аристократка, – шепнули мне доверительно. – А я их терпеть не могу. Так что... –

Маг выпрямился и заговорил негромко и бесстрастно. – Я подумаю. Если все-таки решу, что

именно вы мне нужны, тогда и будем... Как вы сказали?.. Обговаривать условия.

Один удар сердца – и меня отпустили. Тьма отступила и через мгновение уже клубилась по

другую сторону стола.

– С кем живете? Где отец? Братья есть? – посыпались быстрые вопросы.

Я сообщила адрес, назвала имена домочадцев, помедлив, добавила, что отец и старший брат

тоже погибли. Других родственников мужского пола нет.
– Достаточно, – бросил маг равнодушно, словно от мушки отмахивался. – На этом все.
Идите. О моем решении вас известят.

Глава 2

Когда я вышла на улицу, уже совсем стемнело. Привратник проводил меня до ограды, посиял немного, пока я не ступила на мостовую, а потом вспыхнул, рассыпая золотистые искры, и погас. Ворота тут же захлопнулись, отсекая гостью от дома и его таинственного владельца. На створе мелькнула драконья морда, прожгла меня подозрительным взглядом и тут же исчезла, словно впитавшись в толстую решетку. Все стихло. Очень гостеприимно – бросить девушку ночью на улице одну, но от мага я ничего другого и не ожидала. А уж тем более, высшего. Надменный истукан, который даже носа не пожелал высунуть из-за своего колдовского щита. «Я подумаю... Идите... О решении вас известят...», – пробормотала, передразнивая неприветливого хозяина. За спиной раздался сдавленный смехок. Вздогнула, разворачиваясь к воротам. Никого. В саду все та же темнота и тишина – ни звука, ни проблеска света. На мгновение показалось, что ограда пошла рябью. Пригляделась повнимательней – нет, все-таки, почудилось. День выдался длинный и тяжелый, пора отдыхать, а то уже непонятно что мерещится. К ночи еще больше похолодало, и я плотнее закуталась в тонкий плащ, который, впрочем, почти не спасал от резких порывов ветра. Ужасное лето в этом году. А впереди зима... ♠Дрова нужно покупать, как можно скорее – дом необходимо держать в тепле, если не весь, то хотя бы несколько комнат, а денег не хватает даже на еду. Из маминых украшений осталась пара колец, мои давно проданы и... Как же я устала... От всей этой ситуации, от отсыревшего дома, от вечной нехватки денег, от отчаяния в глазах близких. От того, что я, совершенно неожиданно для себя, стала главой нашей маленькой семьи. И нет права сказать: «Не надо, я не хочу, не готова, страшно». Потому что кроме меня некому. А от сегодняшней беседы тем более устала. Еще до ее начала, когда пришлось ломать себя и идти на поклон к одному из тех, кто уничтожил мой мир. Предлагать свои услуги, проситься на работу...

Да, так лучше – считать, что я просто устраиваюсь на работу. Она ведь тоже бывает разная, а мне в теперешней ситуации выбирать не приходится.

Ладно, что толку сейчас об этом печалиться? Завтра... Все завтра... Откажет высший –

подумаю, что дальше делать. Согласится... Что ж, по крайней мере, тогда у нас появятся еда, необходимые лекарства и огонь в камине. Но все это потом. А теперь надо просто добраться до дома и выспаться.

Облака рассеялись, и на небо выползла луна, круглая, блестящая, похожая на серебряный щит.

Слава Пресветлой, хоть дождь закончился. И фонари на улицах горят. Неважно, что мы живем на другом конце города, добегу быстро.

Но не успела я сделать и нескольких шагов, как из соседней подворотни мне наперерез метнулась тень.

– Леди... – послышался звонкий ломкий голос. – Подождите, леди Элай...

– Госпожа, – поправила строго. – Госпожа Элис, и никак иначе. Что ты здесь делаешь, Ренк?

Юноша, почти мальчик, смуглый, кудрявый, круглолицый с чуть вздернутым носом и хитрыми серыми глазами смущенно пнул лежащий на дороге камешек.

– Вас караулю. Мама велела непременно дожидаться и проводить до самого дома. На всякий случай.

– Спасибо, – ласково улыбнулась пареньку. – Но я бы и так добралась. Кругом патрули, сам знаешь.

Да, сейчас в Кайнасе спокойно, не то, что несколько месяцев назад. После того, как столица пала, здесь воцарился настоящий хаос. Город наводнили отряды мародеров, они врывались в дома аристократов, грабили, убивали, насиловали. Мы почти все время прятались тогда в подвале, не рискуя подняться даже за едой. Хорошо, что успели уйти из особняка – я видела потом, во что превратилась наша столичная резиденция. Но и в маленьком доме небогатого ремесленного района, где нас никто не знал, мы все равно отчаянно боялись. Почти неделю просидели в погребе, прислушиваясь к доносившимся снаружи звукам.

А потом в Кайнас прибыл новый наместник, и все изменилось. Лорд-протектор, как называли его маги, буквально за несколько дней железной рукой навел в разоренном городе порядок. Столицу начали патрулировать маги, почти все банды уничтожили, их главарей показательно повесили на одной из площадей, и в городе воцарился порядок. Даже по ночам можно было ходить относительно безопасно.

Жаль, нашу жизнь это не очень изменило. Ну, хоть из подпола вылезли, и на том спасибо.

Я грустно улыбнулась своим мыслям.

– Так-то оно так, – шмыгнул носом паренек, – Но всякое случается, а береженого Пресветлая бережет. Я уже взрослый, сильный, если придется – постоять и за себя, и за вас

сумею. Мама сказала, возражений не слушать. Проводить и все.

Я с сомнением взглянула на «взрослого и сильного», но оскорблять мальчишку недоверием не

стала. Если Толла ему велела, точно не отстанет.

– Хорошо. Только с одним условием – переночуешь у нас, а утром уже домой.

– Мама так и сказала, отвести, переночевать, вернуться утром, – закивал Ренк.

– Ну что же, тогда веди, защитник, – подхватила провожатого под руку. – Вперед. Добрались мы быстро и без особых проблем. Несколько раз по дороге сталкивались с патрулями. Хмурые молчаливые мужчины опутывали нас яркими лентами магического света,

но, разглядев девушку с подростком, без вопросов пропускали дальше.

Иногда мне казалось, что я слышу за спиной какой-то шорох, скрежет когтей, взмах крыльев, а

один раз, резко повернув голову, успела заметить в подворотне два кроваво-красных огонька.

♣Но когда попыталась присмотреться, огоньки тут же растворились в темноте, а за спиной,

сколько ни оглядывалась, так никого и не увидела.

Мы почти уже были у дома – осталось пересечь переулок, и все, – когда навстречу, из-за

поворота вывернула компания молодых людей, и я похолодела, узнав голос одного из них.

Сетнер...

Мужчины возбужденно переговаривались, размахивали руками, хохотали, и у меня затеплилась

надежда, что удастся избежать нежеланной встречи.

Развернуться... Сделать несколько торопливых шагов... Потянуть за собой Ренка...

Скользнуть

за дом старой Ойлы... Обогнуть его и тогда...

Надежда угасла в ту минуту, когда в спину ударило басовитое:

– Надо же... Какая встреча.

Нас догнали очень быстро. Обступили. Перегородили дорогу. Четверо... Все, как на подбор,

крепкие, коренастые – нечего даже думать о том, чтобы убежать, а впереди тот, кто с недавних

пор стал моим кошмаром.

Зак Сетнер, хозяин мясной лавки.

Внушительная фигура, сильные руки, грубоватое, хотя по-своему привлекательное лицо. Я

знала, на него засматривались все окрестные девушки, каждая мечтала если не о свидании, то

хотя бы о заинтересованном взгляде, улыбке, а вот я... Я его ненавидела.

– Ай-ай-ай, нехорошо, госпожа Бэар. Куда же вы? А поздороваться с добрыми соседями?

Зак глумливо оскалился, и его приятели, с готовностью откликнувшись, радостно загоготали.

– Доброй ночи, господин Сетнер. – Ну да, доброй, как же. Что б тебе к Сахтару провалиться,

мерзавец, и задержаться там подольше. – Позвольте пройти. Мы спешим.

Я старалась, чтобы голос не дрогнул, звучал спокойно и доброжелательно. Видимо,

не удалось.

Лицо мужчины потемнело и исказилось от злости.

– Спешите? – прошипел он. – В последнее время вы всегда спешите. Может, просто избегаете меня?

Послышались смешки.

– Заткнитесь, – сверкнул глазами Зак, и веселье мгновенно оборвалось. – Так что, Элис,

побеседуем? – он обманчиво плавно качнулся ко мне. – О вашем долге... О том, как вы

собираетесь его выплачивать. А главное, когда...

– Обязательно побеседуем, – согласилась, отступая назад. – Я зайду в лавку, и мы все

обсудим. Утром.

– Нет, – рявкнули мне в лицо, обдавая перегаром. Пресветлая, да он же пьян. –

Сегодня.

Сейчас.

– Уже поздно. Пора спать... – я все еще мечтала договориться по-хорошему.

– Спать, говоришь? – меня передернуло от двусмысленного взгляда и похотливой улыбки

Сетнера. – Спят тоже по-разному... – Он больно ухватил меня за локоть, подтянул ближе. –

Хватит кочевряжиться, я устал гоняться за тобой. Даю три дня. Или ты

соглашаешься на мое

предложение, или твоя мать отправляется в тюрьму. На нее ведь ваши долги записаны?

Я похолодела, а мужчина, окончательно отбросив все условности, жарко зашептал мне в лицо:

– Может, прямо сейчас и пойдем, чего откладывать? Ну... Идем... Все равно станешь моей,

никуда не денешься. Не хмурься, птичка, это совсем не страшно, – он плотоядно облизнулся.

– И больно только первый раз, потом – хорошо, обещаю. Тебе даже понравится. Со мной

всем девкам нравится. А я долги спишу, и колечко подарю... Красивое, с камешком... Мяса

дам... Много... Кредит бессрочный открою... Будешь герцогиней ходить, все соседкам на зависть...

Герцогиней? Я бы рассмеялась, если б не чувствовала себя там мерзко.

– Пустите...

Рванулась, пытаюсь освободиться.

– Отстань от нее, гад. Не смей трогать, – бросился к моему обидчику Ренк и вдруг... зашипел.

Это было так странно, что я удивленно замерла, на миг позабыв о Сетнере с его свитой. Жаль,

они о нас не забыли.

– Пошел вон, щенок, – отмахнулся лавочник, толкая юношу к приятелям. Те тут же навалились на мальчика, ухватили за предплечья, заломили руки за спину.

– Что, тоже на бабу глаз положил?

– Да ты парень не промах.

▲– Молоко-то с губ подотри.

Наперебой зубоскалили подвыпившие дружки Сетнера.

– Ишь, приткий какой. Не рановато?

– Не, в самый раз. Раньше начнет, слаще покажется.

– Ничего, потерпи, малец, Зак добрый, он тебе оставит... куснуть разок.

Снова раздалось рычание – угрожающее, сердитое, – и я поняла, что Ренк здесь ни при чем.

Звук шел со стороны смоковницы, вернее, из глубокой, густой тени, которая залегла под ней.

Вот тень зашевелилась, словно встряхивалась, и поползла к нам, постепенно увеличиваясь в размерах. Мужчины стояли к дереву спиной, поэтому не замечали надвигающейся опасности, а за своим хохотом ничего и не слышали. Я же, как замороженная, не могла отвести глаз от темного пятна. Вот оно превратилось в овал, отрастило лапы с когтями, распахнуло крылья и...

– Что здесь происходит? – обрушился на нас грозный окрик.

Тень дрогнула, остановилась, недовольно заворчала, как хищник, у которого в самый последний

момент отняли вожака добычу, а потом начала стремительно выцветать. Она исчезла как

раз в тот момент, когда вокруг, кольцом охватывая нашу группу, заструились яркие искристые ленты.

Маги...

Они шагнули вперед, будто соткавшись из воздуха – спокойные, подтянутые, с серьезными, даже суровыми лицами.

Патрули всегда появлялись внезапно, сваливались из ниоткуда, как снег на голову, – в этом

была их сила, но, этот, кажется, превзошел все ожидания.

– Я спрашиваю, что происходит? – повторил один из прибывших – стройный, русоволосый с

удивительно ясными синими глазами.

На фоне Сетнера и его дружков, мощных и мускулистых, он казался обманчиво беззащитным,

но лавочник тут же отдернул ладонь, отступив от меня подальше. Через мгновение к нему

присоединилась протрезвевшие собутельники.

– Все в порядке, лэйр, – почтительно поклонился Зак. – Вот, остановились поговорить с...

соседями. – Он покосился в нашу сторону.

– Это так, госпожа? – теперь патрульный смотрел прямо на меня.

– Да-да, – бросила предостерегающий взгляд на Ренка, чтобы тот не вздумал болтать

лишнего. – Побеседовали... о том, о сем... Обсудили дела...

Какие бы ни были у меня проблемы, посвящать в них мага я не собиралась.

Неизвестно, чем его

интерес обернется. От лавочника хоть понятно, чего ожидать, а этот... Может стать, еще

худшее зло, чем Сетнер. Хватит с меня на сегодня и одного колдуна.

– Что ж... Если у вас нет жалоб...

– Ни малейших... – Ты исчезнешь, а мне здесь еще жить, и за каждое обвинение Зак спросит

втридорога с меня и моей семьи. – Разрешите нам уйти. Время позднее, все устали.

– Я провожу, – дернулся ко мне Зак.

– Спасибо, господин Сетнер, – поблагодарила сухо. – Но мы сами доберемся. Здесь недалеко.

Подхватила под локоть Ренка, ожидая, когда погаснут удерживающие нас ленты. Скорее домой, подальше отсюда, от всех этих людей. От лавочника, его жадных рук и мерзкого шепота, а еще от мага, под пристальным испытующим взглядом которого становилось ужасно неуютно.

Чувствовала себя бабочкой, угодившей в паутину, еще миг – и уже не спастись. – Со мной надежней будет... – на уступал Сетнер.

О да! А главное, безопаснее.

– Не беспокойтесь, уважаемый господин Сет...

– Провожу я, – отчеканил патрульный и кивнул сопровождающим: – Продолжайте обход. Я

догоню. – А потом снова повернулся ко мне: – Идемте, госпожа.

Да что ему от меня нужно?

Хмурый взгляд Зака сопровождал нас до самого конца переулка, пока не завернули за угол –

камнем давил между лопаток, заставляя спотыкаться на ровном месте. А вот моему спутнику, судя по всему, было абсолютно безразлично, какие пожелания шлет ему вдогонку лавочник.

– Уже поздно. Почему вы до сих пор не дома?

Не успели мы отойти от «добрых соседей», как навязавшийся в провожатые маг тут же

приступил к расспросам.

▲ – Так получилось, – ответила кратко, надеясь, что мужчина поймет мое нежелание общаться и отстанет.

Увы, ожидания не оправдались, и вопросы на этом не закончились.

– И все-таки, что молодая девушка делает поздно вечером на улице?

– Возвращается... Из гостей.

Вернее, от одного очень негостеприимного высшего.

– Никак не могли расстаться с подругой?

– Можно и так сказать.

Ускорила шаг, но маг не отставал.

– А почему вас отпустили назад одну?

– Элис не одна, – сердито буркнул Ренк. Голос его дрогнул от обиды.

– Конечно, не одна, – обняла за плечи своего юного «защитника». – С тобой.

– Так вас зовут Элис? – по губам мужчины скользнула тень улыбки, делая его лицо мягче, теплее.

Пресветлая, о чем я думаю?

– Госпожа Бэар, – поправила сухо. – Как видите, у меня есть компаньон, уважаемый лэйр.

– Рик Харт, – воспользовавшись случаем, отрекомендовался патрульный.

Промолчала, с трудом проглотив вдолбленное с детства, привычно-светское: «Очень приятно».

Знакомится я с ним точно не собиралась. Но этот самый Рик Харт, видимо, не привык отступать

без боя, да и вообще сдаваться.

– Сегодня холодно, – снова пошел он в атаку.

– Как и все последние дни...

– Хорошо, что дождь закончился...

– Пожалуй...

Я уже почти бежала, волоча за собой Ренка, но маг неизменно оказывался рядом,

ступая в ногу
со мной. Надо же, какой приткий.
– Лето в этом году неудачное..
– В этом году все неудачное, не только лето, – пробормотала я, останавливаясь
возле нашего
дома и с облегчением переводя дух. – Спасибо-что-проводили-нам-пора-прощайте, –
выпала скороговоркой и полетела вверх по ступеням.
Одна... Вторая... Третья... Шатается, хорошо бы перепрыгнуть, но неудобно перед
посторонним, он все еще не ушел – стоит, смотрит вслед... Четвертая... Как всегда,
скрипит..
Я уже взялась за ручку двери, живо представила себе, как захлопну ее и оставлю
этого
навязчивого типа снаружи, но тут меня окликнули:
– Элис!.. Госпожа Бэр, – поправился мужчина, пока я медленно разворачивалась,
уже
предчувствуя неприятности. – Вы свободны завтра вечером?
Свободна? Усмехнулась, ощущая, как на губах оседает горечь. Об этом, пожалуй,
лучше
высшего спросить.
– Разрешите пригласить вас... – начал маг, не догадываясь о моих мыслях.
– Нет, – перебила его. Гораздо резче, чем нужно, чем я могла себе позволить в
своей
ситуации. Сказывалась усталость. – Простите, лэйр Харт, но я занята. Завтра
занята,
послезавтра и через неделю тоже.
Как бы мне хотелось сказать это каждому магу, включая высшего, что сегодня так
изошренно
измывался надо мной. Сахтар их всех пожри. Хотя нет, не сожрет, ведь они как раз
темному и
поклоняются.
– Понятно... – лицо патрульного окаменело. – Что ж, не стану вас дольше
задерживать,
госпожа. Всего доброго!
Мужчина коротко кивнул и отступил на несколько шагов. Фигура его поплыла, словно
растворяясь в воздухе, и через пару мгновений на улице не осталось никого, кроме
нас с
Ренком.
Не успели мы зайти в дом, как навстречу из глубины коридора метнулась женская
фигура.
– Госпожа, с вами все в порядке? – пальцы Уны, вцепившиеся в ворот строгого
темного
платья, дрожали. – Хвала пресветлой! Я так перепугалась, когда увидела из окна,
кто вас
сопровождает.
▲– Тетушка, – подскочил к ней Ренк, и женщина крепко прижала к себе племянника.
Поцеловала в макушку, быстро осмотрела, чтобы удостовериться, что с ним все в
порядке, и
снова перевела на меня обеспокоенный взгляд.
– Что нужно этому магу? Проверял, кто вы? Ему что-то известно?
– Успокойся, Уна, он ничего о нас не знает.
Я сняла плащ и, тщательно расправив, повесила его на вешалку. Это перед высшим я
изображала надменную аристократку, а на самом деле давно уже научилась аккуратно
обращаться с вещами и беречь их. Да, если честно, и отвыкать-то от
великосветских привычек

особенно не пришлось. В столицу мы с мамой вернулись незадолго до войны, а до этого вели

совсем иной образ жизни – простой и скромный.

– Тогда зачем он увязался за вами? – никак не могла прийти в себя женщина.

– Провожал. Просто провожал, ничего больше.

– Просто так молодые мужчины красивых девушек не провожают, – проворчала Уна, но тревожные морщины на ее лбу немного разгладились.

– Он госпожу Элис на свидание приглашал, – тут же сдал меня Ренк, и служанка снова нахмурилась.

– Как же это? – всплеснула она руками. – Да если он проведает...

Она запнулась, не в силах продолжать.

– Я отказала, – пояснила скупое. – Дала понять, что меня это совершенно не интересует. Уна,

– вскинула я руку, останавливая новый поток неизбежных вопросов. – Завтра поговорим,

ладно? Я устала, замерзла и с удовольствием выпила бы чего-нибудь горячего.

– Ой, да вы и голодны наверное? – спохватилась женщина.

– Очень!

На самом деле, есть не хотелось, а вот спать – ужасно, но я надеялась хоть немного отвлечь

Уну. Так и получилось.

– Что же я в коридоре вас держу, – засуетилась она. – Пойдемте, скорее.

На маленькой чистой кухне царил теплый полумрак. Меня мгновенно разморило и начало

неудержимо клонить в сон

– Все уже спят?

Я села напротив Ренка, рассеянно наблюдая, как Уна хлопчет у печки.

– Давно уже. Матушке вашей я дала сонных капель – там еще немного осталось, она сразу и

заснула. А госпожа Нэсса никак не могла успокоиться. Все требовала то окно открыть, то

закрыть, то теплой воды принести, то еще одну грелку, то молока. А где я

молока-то ей возьму,

если оно вчера еще закончилось? Но и она, благодарение Каари, уже с час, как угомонилась.

Уна неодобрительно поджала губы. Она недолюбливала жену брата и не скрывала этого.

– Будь к ней снисходительней, – попросила я, впрочем, уже не в первый раз.

Подобные

беседы происходили у нас регулярно. Уна жаловалась на Нэссу, я за нее

заступалась. – Ты же

знаешь, в ее положении...

– Знаю я все, – махнула рукой служанка. – Только слишком уж она этим положением пользуется. Вам и госпоже Тине во вред.

– Как мама себя чувствует? – мгновенно подобралась я.

– Так же... – женщина поставила передо мной чашку с горячим взваром, тарелку с хлебом и

сыром, сама опустилась рядом. – Лекаря ей хорошего нужно, и не простого, а того, у которого

есть разрешение на использование артефактов. Да что я говорю, вы и сами это знаете.

– Знаю... – я невесело улыбнулась, прислонилась к мягкому округлому плечу, и меня тут же

ласково обняли, щедро делясь теплом.

Уна...

Эту невысокую темноволосую женщину, чуть полноватую и такую уютную, родную, я знала с

детства. Мамина доверенная служанка, она, сколько я себя помню, жила в имении, потом

переехала вслед за нами в столицу и категорически отказалась покидать госпожу, когда мы

спешно бежали из столичной усадьбы, захватив с собой только самое необходимое. Без нее, ее

советов, помощи, поддержки мы бы точно не справились – три растерянные, перепуганные

женщины, одна из которых была больна, другая – слишком молода и неопытна, а третья –

избалованна и капризна.

– Иди-ка спать, девочка моя, – вырвал меня из блаженной полудремы тихий голос. – Совсем

ты у меня разомлела.

▲ Уна очень редко позволяла себе обращаться ко мне на «ты», как я ни настаивала, строго

придерживаясь неизменного «госпожа». И сейчас это нежное «девочка моя» неожиданно

растрогало, чуть не до слез.

Я кивнула, на миг прижалась к женщине, чувствуя, как волос касаются ее пальцы, мягко

перебирают пряди, а потом решительно встала. Но кружку с отваром все-таки забрала с собой

– потом допью. Уна говорила, что ягоды заканчиваются, значит, скоро снова пойдем в лес. Да

и на зиму собрать надо.

– А еще к нам лавочник по дороге пристал, – услышала я возбужденный голос Ренка, последовавшее за ним сдавленное оханье и ускорила шаг.

Поднялась по старой скрипучей лестнице на второй этаж. Комната Нэссы... Здесь я задерживаться не стала, а вот возле маминой остановилась. Прислонилась лбом к деревянному

косяку, чутко ловя каждый шорох. Тишина... Я уже хотела приоткрыть дверь и осторожно

пробраться внутрь, но тут услышала отрывистый кашель.

Скажи кто-нибудь полгода назад, что меня обрадуют эти звуки, ни за что бы не поверила, еще и

возмутилась бы, а сейчас... Выдохнула успокоено и отошла от двери. Кашляет – значит,

дышит... жива. Заходить не стала, мама спала очень чутко и, проснувшись, долго не могла

уснуть, даже сонные капли не всегда уже помогали.

В моей комнате было зябко, от окон, несмотря на закрытые створки, тянуло ночным холодком.

Поеживаясь, приняла чуть теплый душ, допила отвар, юркнула под одеяло и облегченно

вытянулась... Неужели этот долгий день все-таки закончился?

Загадочный высший... Зак... Маг из патруля... Как много встреч вместилось в один короткий

вечер.

Вдруг вспомнились внимательные зеленые глаза, негромкое: «Вы свободны вечером?»

Интересно, сколько лет этому магу? Он кажется таким молодым и открытым. Таким.. благородным. Впрочем, Сетнер, тоже поначалу производил впечатление порядочного человека.

Разговаривал учтиво, искренне сочувствовал тому, что война лишила нас мужчин и оставила без средств к существованию. Пытался ухаживать, приглашал на свидания... Почти как патрульный и теми же словами. «Что вы делаете сегодня... завтра... послезавтра...» А потом, когда терпение лопнуло, стал давить, настаивать и угрожать. И этот Харт, наверняка, такой же. Все они одинаковы. Высший хоть не скрывает, что ему нужно. Не притворяется добрым и ласковым. А еще он может дать то, что решит все наши проблемы.

Метка... Как же она мне нужна. И чем быстрее, тем лучше.

Снова начался дождь. Капли монотонно барабанили по крыше, навевая дремоту. Мысли стали

вязкими, тягучими, я медленно соскальзывала в сон, пока резкий скрежет не заставил

вздрагнуть и буквально подскочить в кровати.

Села, прижала к груди одеяло, осоловело хлопая глазами. Спросонья даже не сразу сообразила,

с какой стороны раздался звук. Скрежет повторился, протяжный, неприятный, точно снаружи

по стеклу провели чем-то острым, и я замерла, испуганно вглядываясь в темноту за окном.

Несколько мгновений тишины – и новый противный звук, такой громкий, настойчивый, что

задребезжали оконные рамы. Кто бы там ни находился, он сейчас весь дом разбудит.

Вскочила,

торопливо завернулась в одеяло и подбежала к окну.

Удар сердца...

Еще один...

Еще...

Тьма по ту сторону окна сгустилась, обретая знакомую форму, и на меня уставились два

красных глаза.

«Драконья морда».

Монстр величественно, явно издеваясь, поднял лапу, похожую на уродливую руку, вытянул

длинный коготь, коснулся стекла и мучительно медленно повел вниз. Ну уж нет!

Распахнула

настежь окно, надеясь, что он не удержится на узком карнизе и свалится. Не свалился... Даже

не шелохнулся – так и замер с вскинутой вверх лапой, словно салюта.

– Не смей! – Велела строго. От негодования у меня даже страх перед этим существом пропал.

Страшилище опустило лапу и ощерилось.

– Нечего скалиться. У меня мама спит. Смотри, ночь давно уже наступила.

♣«Дракон» не последовал совету и отказался смотреть на ночь. Он вообще не двигался. Не

сводил с меня глаз.

– Ну, что тебе еще нужно? – спросила устало, с удивлением отмечая про себя, что прежняя

опасливая осторожность так и не вернулась. Сейчас слуга высшего казался мне нашкодившим

щенком, а вовсе не злобным хищником.

Загадочное молчание...

– Знаешь, что... – потеряла я терпение.

И тут чудище, наконец, шевельнулось и бочком, крадучись начало пробираться в комнату.

– Ты куда?

На мое справедливое возмущение не обратили никакого внимания.

С удивительной для такого несуразного создания грацией монстр бесшумно просочился в

комнату. Огляделся, взмахнул крыльями, осыпав подоконник мелкой каменной крошкой, и уже

через мгновение с удобством устраивался на прикроватном столике, который прогнулся и

жалобно заскрипел под его весом.

Повисла пауза.

– Тебя хозяин прислал? – не выдержала я первой. Ждать, пока мне сообщат о цели позднего

визита, можно было до бесконечности.

– Не он... – Уродливая голова чуть заметно качнулась из стороны в сторону. – Сам...

Надо же, он оказывается и разговаривать умеет. Жаль, двумя словами незванный гость и

ограничился. Захлопнул пасть, переступил с лапы на лапу, и будто окаменел, даже веки

прикрыл. Он что, гнездиться здесь собирается?

– Послушай, Кви... Хва... прости, дракон, не запомнила твоего имени, я...

– Нет! – прервали меня негодуя. Даже глаза ради такого случая изволили открыть.

– Что «нет»?

– Дракон... нет...

– Ты не дракон? – Чуть заметный согласный кивок. – А кто?

Немигающий взгляд алым лучом прошелся по комнате, задержался на стене, и «не-дракон»,

тяжело хлопая крыльями, поднялся в воздух. Подлетел к маленькой полочке, когтем подцепил

лежавшую там книгу и уронил ее на пол.

«Ночные сказки» – значилось на обложке.

В детстве я очень любила этот сборник волшебных историй – постоянно листала, подолгу

рассматривала картинки, читала. Но папа очень рассердился, когда узнал, и потребовал не

забивать мне голову разной «нелепой чепухой». Книга исчезла. Я думала, ее уничтожили, а

мама не только сохранила, но даже захватила ее с собой, когда мы бежали из дома. Теперь вот

положила на полку, а я даже не заметила. Странно...

Ночной гость, тем временем, опустился рядом с книгой, деловито зашелестел листами и ткнул

когтем в одну из страниц.

– Кто, – пояснил он, поглаживая другой лапой себя по груди.

Присела на корточки, вглядываясь в изображенное на картинке существо, как две капли воды

похожее на слугу высшего. Так вот почему он показался мне знакомым. И как я

могла забыть
эту сказку...

«

Давным-давно в болоте, недалеко от славного города Гринзена, обитала злобная уродливая горгулья, которая всячески вредила горожанам. Не давала им мирно жить, спокойно спать, выгодно торговать и постоянно нападала на купеческие корабли, что приходили в Гринзен по полноводной Ифе ...» – прочитала я знакомые строки.

– Так ты горгулья?

– Горгуль, – яростно сверкнул он глазами. И, помолчав, добавил: – Хвич... – снова пауза. –

Трудно говорить... Надо мыслеречь...

– Какую речь? – не поняла я.

– Не умеешь...

– Конечно, не умею, – подтвердила мрачно. – Ты же сам пробовал мою кровь и знаешь, что я человек. Во мне нет ни капли магии.

▲– Кровь... – оживился горгуль. – Дай...

– Тебе нужна моя кровь? – мгновенно напряглась я. – Зачем?

– Вкусно... – как-то доверительно признался монстр. – Дай...

– Так ты за кровью пришел? – Этого мне еще не хватало. – А хозяин знает?

Хвич отрицательно качнул головой и смущенно потупился.

Та-а-ак...

– Дай... – в голосе появились просительные нотки. – Не... много... Капля... Ты кровь... Я охранять.

– Ты предлагаешь охранять меня в обмен на кровь? – уточнила удивленно.

Кивок.

– Хм... – Вспомнила яростное рычание, рогато-клыкасто-крылатую тень и то, как она угрожающе надвигалась на Сетнера. – А это не ты, случайно, провождал меня сегодня домой?

Еще один кивок.

Что ж охрана мне бы точно не помешала, да и капля крови не такая уж большая плата за спокойствие.

– И от хозяина будешь защищать?

– Хозяин... нет, – монстр виновато отвел взгляд. – Чужие... да.

Что ж, и на этом спасибо.

– Хорошо.

Может это глупость, и я потом пожалею о своем согласии, но во мне почему-то крепла

уверенность, что поступаю правильно.

Протянула руку, хотела зажмурится, но в самый последний момент любопытство пересилило.

Хвич подцепил мою ладонь широкой лапищей, прокусил палец – осторожно даже бережно,

словно иголкой кольнул, в прошлый раз он не был так аккуратен, – слизнул выступившую

кровь и довольно заурчал. Надо же, и правда взял всего каплю.

Пока я рассматривала место укуса, горгуль успел вернуться к кровати. Вернее, в

кровать.

Разместился на подушке, закрыл глаза и... Задремал?

– Нет-нет, – замахала руками. – Мы так не договаривались. Я не собираюсь делить постель с горгульей.

– Горгуль... – сердито проскрипел монстр, который набивался мне в соседях.

– Тем более...

Хвич приоткрыл веки, взглянул укоризненно, тяжело вздохнул и расправил крылья.

– Рядом... – пообещал он, перебираясь на подоконник.

Я проследила, как горгуль летит, опускается на крышу соседнего дома и каменеет, застывая

безжизненной серой тенью, потом захлопнула окно и снова забралась под одеяло.

Сон пришел почти мгновенно, и был он, как ни странно, спокойным и безмятежным.

Видимо,

Хвич охранял еще и мои сновидения.

Глава 3

Проснулась я, когда за окном уже рассвело. Дождь, хвала пресветлой, закончился, и в комнату

несмело заглядывали первые утренние лучи.

Ну, здравствуй, новый день!

Улыбнулась прыгавшим по подушке солнечным пятнам, потянулась и позволила себе еще

несколько мгновений понежиться в теплой постели, слушая тишину дома и разглядывая балки

под скатом крыши моей мансардной комнаты.

В особняке отца в выделенных мне покоях потолки были совсем другие – высокие, лепные или

узорные, с затейливой ажурной резьбой, фигурками птиц, животных, растительным орнаментом. Удивительно красивые, они никогда не повторялись, и я, затаив дыхание, изучала

их часами. Как все-таки отличается этот дом от того, где мы жили раньше.

Мысль мелькнула и пропала, не оставив после себя ни печали, ни досады. На самом деле, я не

успела привыкнуть к парадному великолепию столичной резиденции, к стилю и образу жизни

придворной аристократии. Слишком мало времени прошло с тех пор, как мы с мамой переехали

▲в Кайнас. Я до сих пор ловила себя на том, что говорю: «наше имение» и «особняк отца»,

неосознанно разделяя, даже противопоставляя два владения.

В имении мы жили просто и скромно, без ненужных излишеств и вызывающей, бьющей в глаза

роскоши. Нет, ко мне, разумеется, приставили лучших воспитателей и наставников, которые

учили всему, что должна знать и уметь дочь, и жена высокопоставленных, приближенных к

трону сановников, но в остальном...

Мама терпеть не могла усмиренных и, когда мы с ней поселились в имении, категорически

потребовала, чтобы магов убрали. Родители долго спорили, отец настаивал,

гневался, но так и не сумел убедить жену. Всегда спокойная, молчаливая, порой излишне покорная, в этом мама оказалась удивительно несговорчивой, твердо стояла на своем, и отцу пришлось отступить.

Рабов увезли, а вместе с ними из обихода исчезли и кристаллы, которые некому было заряжать.

Так что, в отличие от наших гораздо менее знатных соседей, мы держали только наемных работников, семейных слуг и никогда не применяли артефакты. Даже лекарь, господин Фибор, и тот не пользовался кристаллами, что не мешало ему, при необходимости, успешно врачевать

хозяев, благо мы тогда почти не болели – ни я, ни мама.

Отца все это раздражало, даже злило. Он редко навещался в имение, недолго гостил и быстро

уезжал, предпочитая вызывать жену в столицу. Так мы и жили. Отец – в Кайнасе, с сыном,

важными государственными делами, придворным лоском и блеском, а также многочисленными

любовницами, которых он даже не скрывал. Мама – в дальнем имении, с дочерью, книгами,

преданными слугами и привычными занятиями. Родителей, судя по всему, это полностью

устроивало, а я...

Я слишком рано поняла, что отец меня не любит. Всегда мечтала понравиться ему, заслужить его

одобрение, но он словно не замечал свою единственную дочь, предпочитая все свободное время

проводить с моим братом. Может, дело в том, что Талим был его сыном от первого брака и

напоминал покойную жену, которую отец так и не сумел забыть? Не знаю. В детстве я

завидовала Талу, но потом привыкла к холодной отстраненности главы семьи и уже не просила

маму взять меня с собой «погостить» в Кайнас. Даже расстроилась, когда пришла пора

готовиться к свадьбе и переезжать в дом отца...

Дверь в комнату тихо скрипнула.

– Проснулись, госпожа? – просияла с порога служанка. – Доброе утро.

– Здравствуй, Уна, – улыбнулась в ответ. – Да, уже встаю.

Растерла лицо ладонями и соскочила с кровати.

– А я думаю, что-то вас нет и нет, – женщина шагнула вперед, протягивая мне чистое платье.

– И то правда, вчера совсем поздно вернулись, наверное, выспаться так и не успели... Помочь

одеться?

Привычный вопрос – и традиционный уже ответ.

– Спасибо, не надо. Иди, я сейчас спущусь.

Уна ушла, а я начала приводить себя в порядок. Холодный душ... Пустяк, зато бодрит. И

вообще, это же прекрасно, что у меня есть своя, пусть совсем крошечная, ванная комната, могло

быть намного хуже. Закрытое синее платье, ни одной лишней детали... Ничего, зато

его легко
надеть и застегнуть самой и украсить вот этим ослепительно белым кружевным
воротничком.
Вместо прически – коса аккуратно сколотая на затылке, гладкая, строгая... И это
хорошо, чем
незаметнее я выгляжу, тем лучше.
«Неважно в каком мире ты живешь, важно какой мир живет в тебе», – часто повторял
мой
любимый наставник господин Вислаг. Раньше я не понимала этих слов, а сейчас...
Старалась
следовать его совету.
Надеть туфли, и все – я готова. Сейчас загляну к маме, выпью горячего отвара и
пойду к
Толле. Ренк, наверное, уже умчался по своим делам... Ладно, и без охраны прекрасно
доберусь.
Охрана...
События прошлого дня мгновенно пронеслись перед глазами...
Быстро подбежала к окну, даже высунулась по пояс, чтобы лучше рассмотреть, но
крыша
соседнего дома оказалась пуста. Горгуль бесследно исчез, словно и не появлялся
вовсе. А,
может, его появление просто приснилось? Ночью мне, полусонной, пьяной от
усталости,
происходившее казалось понятным и правильным, а теперь все виделось несколько
иначе.
В самом деле, зачем Хвичу охранять какую-то незнакомую подозрительную девицу? И
как он
собирался это делать без ведома хозяина, да еще за такую ничтожную плату? Капля
крови... Он
▲еет у кого угодно возьмет, если пожелает. Уверена, маг для своего питомца ничего
не пожалеет,
что уж говорить о десятке-другом человеческих жертв. Всю кровь сцедит при
необходимости,
это ведь высший... Демон в человеческом облике. Взглянула на палец – гладкая
кожа,
никакой, даже самой маленькой ранки.
Странно все это...
В коридоре хлопнула дверь, возвращая меня к реальности.
– Уна, – прозвенел, набирая громкость высокий раздраженный голос. – Уна-а-а,
одеваться.
Вот и Нэсса проснулась, и уже с утра не в духе. Жаль, что я не успела уйти.
Дождалась, пока стихнут торопливые шаги нашей помощницы, выскользнула из комнаты
и
открыла соседнюю дверь.
– Доброе утро!
– Доброе, солнышко, – мама отложила вязание и протянула мне навстречу руки.
Судя по всему, она давно уже не спала. Сидела в своем любимом кресле у окна,
почти утонув в
подушках – худенькая, почти прозрачная, но, как всегда тщательно одетая и
аккуратно,
волосок к волоску, причесанная. И пусть платье было непритязательным, а прическа
– совсем
простой, выглядела мама как всегда безукоризненно.
Я подошла, с тревогой вглядываясь в любимое лицо, такое бледное и изможденное.

Сейчас на нем выделялись одни глаза – огромные, опущенные густыми ресницами, лихорадочно блестящие. Зеленые... Совсем как мои.

Мы вообще удивительно похожи. Черты лица, глаза, волосы... «Золотые...» – любил повторять Сэлн, осторожно касаясь моих прядей.

«Рыжие...» – поддразнивал в детстве Талим и неизменно дергал за косичку. Сам он был темноволосым и темноглазым – точная копия отца, и в жены выбрал светловолосую, голубоглазую красавицу, идеальную светскую леди.

– Как ты? – опустила на стул рядом с мамой.

– Хорошо... – мягко улыбнулась она, и ее щеки слегка порозовели.

Неизменный ответ.

Она всегда говорила, что «хорошо» себя чувствует, а иногда даже «прекрасно».

Каждое утро упрямо поднималась с кровати, с помощью служанки приводила себя в порядок и пыталась хоть чем-то заняться. Когда еще находила силы спускаться, помогала по дому, не слушая никаких возражений. Теперь вот под руководством Уны освоила вязание и очень радовалась, что удалось раздобыть настоящей шерстяной пряжи, и к холодам у нас будут теплые шали.

«Обойдется, солнышко. Я скоро встану на ноги», – повторяла мама как заклинание, но я видела, что она слабеет день ото дня. Все это видели.

Те безумные дни – бегство под проливным дождем на другой конец города, сидение в сыром подвале, нервное напряжение, постоянный холод – ни для кого из нас не прошли даром.

Сначала слегла Нэсса, и на нее ушел последний оставшийся кристалл, потом заболели мы с Уной. Мама держалась дольше всех, следила, ухаживала, выпивала, а когда мы пошли на поправку, свалилась сама. С тех пор ей становилось все хуже.

Уна скорбно сжимала губы, стараясь сдерживать слезы, а лекарь отводил взгляд, прописывал очередную микстуру и снова повторял, что необходим целебный артефакт. Как будто, я сама этого не знала. Но ни у одной из нас не было метки, а без нее получить любой, даже самый маленький кристалл невозможно.

– Эли... – тонкая, почти невесомая ладонь легла на мою руку. Мама всегда чутко улавливала настроение.

Перехватила ее пальцы, слегка поглаживая.

– Все образуется, мам, – пообещала и ей, и, в первую очередь, себе. – Обязательно.

Только бы высший согласился.

Только бы согласился...

Мимо комнаты Нэссы незамеченной пройти не удалось. Дверь была распахнута, словно жена брата специально с утра караулила.

– Элаис! – догнано меня требовательное, и я, вздохнув, обернулась.

Невестка стояла посреди комнаты, гневно прижимая к груди кулаки. За время

беременности она
сильно подурнела, расплылась и ходила теперь тяжело, вперевалку, что ее ужасно
раздражало.
Впрочем, ее теперь все раздражало.
▲— Почему Уна не желает выполнять моих распоряжений? — пошла в атаку Нэсса. —
Вода едва
теплая. Она, верно, хочет, чтобы я опять заболела, и мой малыш не родился. И где
утреннее
молоко? Ты же знаешь, в моем положении без него нельзя.
Нежный голос жалобно дрогнул, и мне на миг стало стыдно. За глухое раздражение,
что я
каждый раз испытывала при виде этой женщины. За то, что недолюбливала ее с самой
первой
встречи и порой думала, насколько проще нам бы жилось, если бы она перед войной
уехала из
столицы в загородное поместье своих родителей. Не захотела, а ведь они
приглашали. И потом
именно из-за нее нам не удалось вовремя покинуть столицу — когда все было готово
и нас уже
ждали.
Но ведь Нэсса не виновата, что тогда ей стало дурно, и мы не успели добраться до
назначенного
места. Жена брата вообще очень плохо переносила беременность. Изнеженная
столичная
аристократка, она привыкла к тому, что вокруг нее вертятся всегда готовые прийти
на помощь
лекари с артефактами, и сейчас очень страдала.
А еще она отчаянно переживала. Боялась рожать сама, без кристаллов. «Как
простолюдинка»,
— морщила она свой идеальный носик. И этот страх, отчаяние, нервозность Нэсса
обрушивала
на наши головы бесконечными нелепыми капризами.
— Элаис, ты слышишь? — дернули меня за рукав. — Элаис?
А еще я терпеть не могла жену брата за это ее «Элаис». Мы ведь условились
называть друг
друга попроще, но она упрямо сокращала мое настоящее имя так, что все сразу
понимали —
оно принадлежит аристократке. Хвала пресветлой, сама Нэсса переступала порог
дома лишь
затем, чтобы посидеть в маленьком садике, и никогда не выходила за калитку.
Только это меня
и спасало.
— Да, Нэсса, — отозвалась я, и женщина тут же скривилась.
— Энисса, — буркнула она, но я сделала вид, что не услышала. Если мы сейчас
начнем спорить
об именах, это затянется надолго. А мне пора к Толле, пока она куда-нибудь не
ушла.
Несколько успокаивающих слов Нэссе, умоляющий взгляд в сторону Уны, быстрое
отступление
вниз по лестнице, кружка еще горячего отвара — и, на ходу надевая плащ, я
выскочила,
наконец, за ворота. Поправила одежду, скрыла лицо в тени надвинутого капюшона и
чинно
поплыла вдоль по улице, как и полагается благовоспитанной горожанке из некогда

зажиточной
семьи.

Чтобы через несколько мгновений нос к носу столкнуться с Сетнером. Мрачным и настроенным
очень решительно.

Склонила голову в молчаливом приветствии и попыталась проскользнуть между Заком и стеной

дома, мимо которого проходила. Не тут-то было.

– Здравствуйте, госпожа Бэар, – окликнули меня преувеличенно вежливо, и от этого на душе

стало совсем беспокойно.

– Доброе утро, господин Сетнер.

Прятаться больше не имела смысла, и я вскинула подбородок, глядя прямо в глаза мужчине.

– Гордая, да? – скривился тот. – Вот и страдай из-за своей гордости да строптивости. Я

предлагал договориться по-хорошему, сама не захотела.

Он важно приосанился, откашлялся и, глядя на меня сверху вниз, произнес явно заранее

подготовленное:

– Госпожа Элис Бэар, я намерен подать жалобу городским властям на вашу мать, госпожу

Тину Бэар, и потребовать, чтобы ее, как злостную неплательщицу упекли в тюрьму.

–
Остановился, дав мне в полной мере все осознать, и закончил: – Пока полностью не выплатит

весь долг.

– Но... – от ужаса у меня мгновенно пересохло в горле, так, что я даже не сразу смогла

заговорить. – Вы обещали нам три дня.

– Обещал, – подтвердил Сетнер, помедлил немного и злорадно добавил: – Потом передумал.

Я хозяин своему слову, хочу – даю, хочу – беру обратно. – Он вдруг как-то воровато

оглянулся по сторонам, шагнул ближе и зашептал торопливо и гневно: – А не надо было на

меня магу патрульному жаловаться.

– Что? Я никому не...

Но меня уже не слушали. Не желали слушать.

– То-то он, как тебя проводил, так сразу ко мне воротился, чуть всю душу не вытряхнул.

Потребовал, чтобы я оставил тебя в покое и не приставал с «гнусными предложениями». – Зак

▲коротко выругался. – Да еще и кошмарами замучил, чудовище натравил. Всю ночь какая-то

тварь мерзкая мерещилась. То в окно пялилась, красными глазами сверкала и скалилась. То

тенью крылатой наваливалась, душила, до хрипоты и мушек в глазах. А

проморгашься – и нет

ничего. – Последние слова лавочника прозвучали на удивление обиженно.

Так... По всей видимости, это Харт с горгулом развлекались. И если с Хвичем все ясно – сама

согласилась, чтобы он меня охранял, вот монстр и старается, как умеет, то поведение мага

ничего, кроме раздражения, не вызывало. Я же четко дала понять, что ухаживания меня не интересуют. Что ему еще нужно? Зачем вмешивается? Не помог, а только хуже сделал.

– Нашла себе защитничка, да? Уверена, что спасет тебя этот пришлый? – ядовито шипел Зак, подтверждая мои самые дурные предположения.

Хуже похотливого Сетнера только Сетнер разъяренный. Хозяин мясной лавки никогда не был трусом, зато слыл невероятно злопамятным и мстительным, и сейчас он намерен отыгаться на мне сполна.

– Я больше близко к тебе не подойду, даже разговаривать не стану, – мужчина торжествующе выпрямился. – Сама прибежишь, если мать захочешь выручить. В ноги упадешь да попросишь, чтобы скостил ее долг.

Сердце тоскливо сжалось. По закону, кредитор мог держать в заключении не только должника,

но и его семью и требовать определенной отработки. Допустим, слугой в его доме.

– Думала запугали меня? – Сетнер воинственно выпятил грудь. – Я свои права знаю. Твоя

мать мне должна и пойдет в тюрьму, тут вам никакой патрульный не поможет. Разве что, – он

сально подмигнул, – ты его ублажишь. По сходной цене. Так маг сегодня здесь, а завтра к себе

домой уберется, один раз заплатит, возьмет свое и остынет. А есть-то всегда нужно. Мать

больную кормить, сестру беременную. Я всегда рядом... всегда пособлю... – голос его стал

ниже, доверительней.

Ну да, пособишь... Так, как уже «пособил» однажды. Пришел к нам сразу, как мы здесь

поселились. По-соседски... Справиться, не нужно ли чего. Нэсса обрадовалась, заказала

копченый окорок, мяса побольше, а когда я пыталась ее отговорить, впала в истерику. Кричала,

что мы ее ненавидим, желаем смерти бедному, нерожденному ребенку... Она, дескать, всегда

это подозревала, а сейчас окончательно убедилась в собственной правоте.

У нас тогда еще оставалось немного денег, украшения, которые мы успели захватить с собой, и

мама, чтобы прекратить скандал, согласилась. Но деньги быстро закончились – почти

полностью ушли на лекарства, а драгоценности... О том, как нас, пользуясь безвыходным

положением, обобрал ювелир-скупщик вспоминать не хотелось. А долг мяснику, между тем,

все рос. И не только ему. Но остальные лавочники, соглашались повременить, получать

частями, а вот Зак требовал всего и сразу.

– Если уж я обещал три дня, то так и быть, подожду... Пользуйтесь моей добротой. – Судя по

тону, Сетнер уже праздновал победу. – Я терпеливый. Все равно ты никуда не

денешься, долг-
то сам по себе не испариться. Разве что вы за этот срок деньги где-то найдете, – он захохотал,
довольный собственной шуткой. – Потом мать твоя пойдет в тюрьму, а ты ко мне, отрабатывать долг. Если, конечно, сама придешь и очень попросишь. Все добровольно, только добровольно, как я и поклялся лэйру магу.
Он снова рассмеялся и отошел, оставив меня, наконец, в покое.
Больше по дороге, благодарение Каари, меня не останавливали. За эти месяцы я почти научилась вне дома казаться незаметной. Широкий плащ, складки которого полностью скрывали фигуру, низко надвинутый капюшон, опущенный взгляд, мягкая неслышная походка – сколько таких женщин, молодых и старых, спешили сейчас по своим делам. Поди сообрази, кто из них в прошлом состоятельная горожанка, потерявшая все в хаосе войны, а кто – потомственная аристократка. Нет, разобраться, конечно, можно, и довольно быстро, если задаться целью, но никому до этого не было дела.
В квартале, обитатели которого раньше лишь издали видели богачей, а, тем более, аристократов, нам пока с успехом удавалось изображать вдову и дочек чиновника из маленького провинциального города, совсем недавно переехавшего в столицу. Отец семейства и муж старшей дочери в недобрый час попались под руку мародерам. Особняк сожгли, имущество разграбили, а нам в самый последний момент удалось бежать. Хорошо, что домик этот еще до войны купили по случаю. Хотели внаем сдавать, а теперь вот сами живем.
▲Такова была наспех сочиненная история. Лучше мы не придумали, но и она вроде пока не вызывала сомнений. В это тяжелое время у всех собственных проблем хватало, чтобы еще присматриваться к новым соседям, которые едва сводили концы с концами. Тем более, Нэсса и мама на улице старались не появляться, а я общалась только с лавочниками, коротко и по делу.
Нас считали нелюдимыми, странными, но тихими и безобидными. В основном, жалели, шептались вслед: «Столько пережить, тут поневоле умом тронешься», вздыхали и особо не докучали. Нас это полностью устраивало...
Ремесленный район закончился.

Еще несколько поворотов, и я оказалась в узком тенистом переулке, в этот час совершенно безлюдном. Один дом... другой... А вот и тот, что мне нужен. Аккуратный двухэтажный особняк из белого камня с чугунной балконной решеткой и приметной вывеской над входом. Радужная ририка, раскинув крылья, зазывающе покачивалась на длинной витой цепи. Эта птица служила опознавательным знаком заведений особого рода – тех, что посещали только

мужчины.

Я обогнула строение справа, нырнула в узкую боковую дверцу и с облегчением стянула с головы капюшон. В доме было пусто, жизнь здесь начиналась с закатом, а сейчас его обитательницы отсыпались. Пересекла холл, миновала цветочную арку, остановилась у третьей по счету двери, постучалась и, получив разрешение, вошла.

– Элис... – Грузная женщина с цепким, по-мужски жестким взглядом, отложила ручку, отодвинула стопку бумаги и приветливо махнула мне рукой. – Проходи, садись, рассказывай.

В этой фразе была вся Толла – прямая до резкости, чуть грубоватая, не склонная к пустым

разговорам, лишним церемониям и трепетным чувствам. Железной рукой управляющая «Гнездышком». Но именно она, без лишних слов и обещаний послала сына прошлым вечером

встретить и проводить меня до дома. И как раз к ней, своей старшей сестре, после того, как в

городе немного утихло, и привела Уна дочь хозяйки за советом.

Я давно знала, что у маминой верной служанки в Кайнасе живет овдовевшая родственница, но

даже не представляла, чем та занимается. Впрочем, в нашу первую встречу меня это меньше

всего интересовало, а потом перестало вообще беспокоить. Слишком сильно изменилась жизнь,

чтобы волноваться по такому поводу.

Помню, как я сидела тогда на этом самом месте, дрожащими руками сминая ткань юбки. Время

от времени подносила к губам чашку с горьковато-терпким настоем и рассказывала о наших

невзгодах. О том, что не успели вовремя бежать из столицы, о болезни мамы и беременности

невестки. О том, что жених погиб, а от отца и брата нет известий. О том, как нас обманул

скупщик. О долге мяснику и другим лавочникам. О работе, которая нужна, как воздух.

Толла ни разу не перебила, слушала внимательно, сосредоточенно. Хмурилась.

– Давай начистоту, девочка, – начала она, когда я, наконец, замолчала.

В отличие от сестры, хозяйка кабинета не называла меня госпожой и сразу перешла на «ты». Но

ее обращение не обижало, наоборот – в нем чувствовалась такое-то особое родственное

расположение, близость.

– Ты говоришь, что ищешь какое-нибудь занятие... Хорошо... А что ты умеешь?

Музицировать? Петь? Красиво одеваться? Поддерживать светский разговор? Вышивать картины, читать книжки? Вести хозяйство большого дома, загородного имения?

Прости,

дорогая, но это никому не нужно. У людей сейчас не так много денег, чтобы тратить их на

праздные развлечения, а ничего путного ты не умеешь.

– Я готова делать то, что все, – заверила торопливо. – И быстро учусь, правда.

– То, что все... – прищурилась женщина. – Думаешь, это просто? Ты не прачка, не кухарка,

не служанка, и не сможешь качественно выполнять их обязанности, а неумеху никто терпеть не станет. В Кайнасе достаточно ловких молодых девушек, которые нуждаются в работе и согласны на любую плату. Ты даже нянкой не устроишься. Воспитательницей, наставницей – да, но не нянкой, а учителя сейчас не требуются. Позже... через полгода... год... жизнь наладится, все вернется в прежнее русло... Но деньги тебе, как я понимаю, нужны не через год, а сегодня.

Я отвернулась, сдерживая слезы. Я не стану плакать... не стану.

▲– Элис, скажу откровенно, ты совершенно бесполезна. Я тебя даже к себе бы не взяла. Да, девственницы вызывают интерес у мужчин. Но невинность теряется за одну ночь, а что потом?

Мои девочки помогают клиентам расслабиться, отдохнуть, хоть на время забыть о том, что происходит. Они веселят их, развлекают, а ты... Даже если и пересилишь себя, до конца так и не привыкнешь и тоскливо-жертвенной миной всех клиентов распугаешь. Я не собираюсь рисковать репутацией «Гнездышка», даже ради тебя.

Кивнула, соглашаясь. Как ни странно, я очень хорошо понимала Толлу и не обижалась – наоборот, была благодарна за честность.

– Кроме того, я не могу официально взять тебя в услужение, – продолжила собеседница – У тебя нет метки. Ни у кого из вас нет. И тут не поспоришь.

Победившие маги не уничтожали аристократов, не преследовали всех поголовно, они просто ввели для жителей столицы регистрационную метку. Без нее нельзя было ни устроиться на работу, ни получить помощь лекарей, имевших разрешение на артефакты. Простолюдины, мелкие аристократы, принявшие новую власть и готовые с ней сотрудничать, их, жены, вдовы, дети спокойно проходили регистрацию, получали маленькую печать на тыльной стороне запястья – глаз, заключенный в круг – и продолжали спокойно жить. Кто как может. Это касалось всех, кроме семей членов королевского совета. Родственников приближенных покойного монарха немедленно задерживали и увозили, больше они не возвращались. Утаить настоящее имя при регистрации было невозможно. Для меня, мамы и Нэссы это означало только одно – закрытую наглухо повозку и путь в неизвестность, скорее всего, к смерти.

Так что за меткой не ходил никто, кроме Уны, но она одна не могла прокормить всех четверых, да я и не допустила бы этого.

Толла все-таки отыскала для меня занятие – я выполняла ее мелкие поручения. Понимала, что

она делает это из жалости и легко нашла бы помощницу получше... Понимала, очень старалась... Но того, что зарабатывали мы с Уной, катастрофически не хватало. Мы урезали расходы, сэкономили на всем, продали то, что имели, постепенно рассчитывались с долгами, но деньги таяли очень быстро. Большая часть их уходила на лекарей для мамы и Нэссы, которая несколько раз чуть не потеряла ребенка. Я уже совсем отчаялась, когда вчера днем Толла вызвала меня к себе и объявила, что, кажется, нашла выход. Хозяйка «Гнездышка» встретила меня в дверях кабинета. Обычно в этот час она неизменно восседала в своем любимом кресле за письменным столом – проверяла почту, писала, изучала какие-то бумаги, а сейчас вместо этого беспокойно меряла шагами комнату. Было странно видеть ее такой возбужденной, даже растерянной. – Элис... Ты долго, – бросила она вместо приветствия, жестом предложила сесть и снова принялась кружить из угла в угол. На несколько мгновений повисла тишина. Женщина о чем-то напряженно думала и не спешила заводить разговор. Я терпеливо ждала. – В этот дом приходят разные гости, – замерла, наконец, передо мной Толла, – Не только наши... гм... я хотела сказать, горожане, но и маги. Я это знала. Видела пару раз «особых» клиентов. К счастью, только издали, украдкой. – У меня респектабельное заведение, я не допущу, чтобы с девочками случилось что-то серьезное. И все же... Всякое бывает... Тебе прекрасно известно, как маги относятся к аристократам. Особенно те... из прежних усмиранных. И это я знала. Одна из обитательниц «Гнездышка», тоненькая большеглазая Деира была внебрачной дочерью мелкого провинциального землевладельца. Она одной из первых получила положенную метку и никогда не скрывала своего происхождения, даже гордилась им. Пока к ней не начал ходить маг. Девушка никогда не жаловалась – да и платил гость, по ее словам, очень щедро, – просто после его визитов ниже опускала рукава, пряча синяки на запястьях. «Он будто мстит за что-то», – вырвалось у нее однажды. – Я всегда просила тебя избегать магов, – продолжала между тем сестра Уны. – Если хоть один из них всерьез заинтересуется тобой, примется выяснять, присматриваться, то рано или поздно поймет, кто ты, и тогда... – Толла махнула рукой. – Каари ведает, что случится. Лучше соблюдать осторожность и не попадаться им на глаза. ▲– Да... Зачем она говорит все это? Я вела себя неправильно? Привлекла чье-то нежелательное

внимание?

– Так вот... – Женщина запнулась, облизала пересохшие губы и сделала несколько торопливых глотков из большой чашки, что стояла на столе. Хозяйка «Гнездышка» явно

волновалась и от этого мне стало еще страшнее. – Теперь я сама предлагаю тебе согласиться

на предложение одного из них. Сегодня утром ко мне обратился высший. Он ищет постоянную любовницу и готов заключить полноценный договор, учитывающий все пожелания девушки.

Меня настолько поразили эти слова что я почти не слышала, что Толла говорила дальше. Ей

пришлось несколько раз повторить свою новость. Невероятную. Ошеломляющую.

Высший...

Если о магах мы имели хоть какое-то представление, то о высших толком не знали ничего.

Только сплетни, домыслы, слухи. Страшные сказки... Они расползались по столице ядовитыми

змеями с каждым днем становясь все более зловещими и противоречивыми.

Говорили, что высшие – потомки демонов и сила их невероятна. Что они приносят темному

Сахтару кровавые человеческие жертвы, а он за это наделяет их сокрушительной, беспредельной мощью. Что один высший способен справиться с целым войском, и именно они,

прорвав оборону Кайнаса, захватили его, после чего исход войны был предрешен. Говорили,

что их никто не видел в лицо, даже городские чиновники. Они всегда ходили тенями, а на

приемах скрывали лица за какими-то загадочными темными масками. На улице любой прохожий мог оказаться высшим – вроде бы, так они и проверяли, как поддерживается

порядок в городе. Говорили...

Да много чего говорили.

Например, что в столице высших очень мало – лорд-протектор и его ближайшие соратники. И

вот один из них вдруг обратился к Толле?

– Но почему именно к вам?

– А почему нет? – поджала губы хозяйка. – У «Гнездышка» прекрасная репутация.

Мои

девочки хорошо обучены, ласковы, внимательны к пожеланиям гостей... Кроме того, в городском управлении служит мой давний... знакомый. Он и порекомендовал наш дом высшему. – Толла шагнула ближе, почти нависая над креслом, понизила голос и зашептала: –

Знакомый рассказал еще кое-что... Немного... Но этого хватило, чтобы понять, если высший

заинтересуется тобой, это решит все проблемы. Слушай внимательно и запоминай...

Так вчера вечером я и оказалась перед высокими, кованными воротами. Собрав всю свою волю

в кулак и повторяя, как заклинание: «Высшие никогда не берут женщин силой...

Высшие

всегда держат данное слово... Высшие никогда не нарушают скрепленный ими договор...»

А

сегодня вот снова пришла к Толле, чтобы узнать, нет ли для меня известий.

– Ну, что же ты? Язык проглотила? – поторопила недовольная моим молчанием

хозяйка. –
Рассказывай, как все прошло. – Выслушала, прикусила губу, задумалась. – Кроме
тебя я
послала к высшему еще двух девушек. Новеньких. Простолюдинки, но из
состоятельных в
прошлом семей – хорошо воспитанные, милые, невинные, как и требовалось. Одной
велено
прийти сегодня, другой завтра. А потом, если одна из вас его устроит... В общем,
надо ждать...
И я ждала. В этот день, хотя знала, что еще рано. И на другой тоже. Что бы я ни
делала, чем бы
себя ни занимала, в голове билась одна и та же мысль: что решит высший? Срок,
отпущенный
Сетнером, неумолимо сокращался. Лавочник не приближался ко мне, как и обещал,
только
хищно посматривал издали. Но улыбка его становилась все шире, а взгляд – все
более
многообещающим и сальным.
Я понимала, новости появятся не раньше следующего утра, и придется промучатся
неизвестностью еще целую ночь. Но вечером второго дня на пороге неожиданно
возник
запыхавшийся Ренк с короткой запиской от Толлы. Всего три слова:
«Он ждет тебя».

Конец ознакомительного фрагмента. Купить полную книгу вы можете на страничке
автора: <https://litnet.com/ru/book/gospodin-moih-nochei-b95260>